

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

Воскресенье, 4 марта 1990 г. № 27 (5044)

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР,
МИНИСТЕРСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Газета выходит с 15 января 1938 года

Тираж номера — 1 млн. 438 300 экз.

Цена
4 коп.

Позор XX века — репрессивные деспотизм. Их жертвами стали миллионы людей и целые народы. Тягость притеснений не заискала от того, какую идеологию провозглашал на словах тот или иной карательный режим. К счастью, малая толика беззастенчиво пострадавших дождалась признания и оправдания. Другим реабилитация дана лишь посмертно. Но есть люди, которых и сама смерть не освободила от новых злобных обвинений. Так сложилась судьба Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского.

Родившись в 1900 году в Москве, он прожил в России до 1925 года, став к тому времени подающим большие надежды зоологом-генетиком колдовского — четвериковской школы, хотя и успев побывать — красноармейцем — на фронтах гражданской войны. Самобытность — научного направления учителя Н. В. Тимофеева-Ресовского — Н. К. Колыцова и С. С. Четвериков (им достались позже и травля, и посмертная слава) — была оценена немецким нейробиологом О. Фогтом. Он добился от Н. А. Семашко командирования в Институт мозга в Берлин-Бухе Н. В. Тимофеева-Ресовского с женой, а позже и С. Р. Царепкиной.

За берлинский период (1925—1945 гг.) Н. В. Тимофеев-Ресовский работал в таких направлениях науки, как радиационная генетика, биофизика, генетика популяций и микроволновая, внес вклад в изучение закономерности проявления генов при развитии организма, став ученым мирового класса.

В 1945 году он был арестован, год спустя осужден, отбыв несколько месяцев в Карлаге, заработав дистрофию и пеллагру с потерей центрального зрения, а затем после лечения был доставлен на некий «п/я» на Урале, где и возглавил в статусе заключенного приоритетные радио-биологические, биофизические и радиозоологические исследования.

Иstek срок заключения, была снята судимость. Затем реформировали «п/я», лаборатория Н. В. Тимофеева-Ресовского была передана Институту биологии Уральского филиала АН СССР и продуктивно работала под его началом до 1964 года, до переезда ученого в Обнинск, в Институт медицинской радиологии АМН СССР. Здесь он создал большой отдел радиобиологии и генетики и школу учеников из многих городов и республик Союза. В 1969 году Н. В. Тимофеева-Ресовского «ушли» на пенсию, но его интеллектуальный потенциал продолжал служить науке до самой смерти в 1981 году.

Еще три штриха к биографии и портрету Н. В. Тимофеева-Ресовского. Неизменным спутником, и другом его с 1923 года и до своей смерти (в 1973 году) была жена Елена Александровна Тимофеева-Ресовская. Разлучил их лишь его арест. Но уже в 1947 году она приехала к мужу на уральский «п/я», привезла с собой из Германии практически все лабораторное имущество. Многие предметы этого имущества застал и я, когда появился в лаборатории и дома у Тимофеева-Ресовских в 1957 году в Свердловске.

До 1945 года, живя в Германии, Н. В. Тимофеев-Ресовский не решался возвращаться в СССР, но отказывался и от Эдинбурга, куда он помог переехать из Германии Шарлотте Ауэрбах, и от лаборатории в США, куда звал его

М. Демерсец, и от лабораторий в Англии, куда его пригласил С. Дарлингтон, не поехал он и в Италию к своему другу, ученику и соавтору А. Буццати-Траварзо. Не уехал он на Запад и после взятия Берлина Советской Армией, хотя «стенны» тогда не было и перемещение между «секторами» было свободным.

И еще. Все, что знал Н. В. Тимофеев-Ресовского, сразу распознавали в нем и интеллект, и художественную натуру, и крутой нрав, что не всем было по вкусу. Он очень высоко ценил талант и в людях, его окружавших. Но выше всего ставил человеческие качества, не делая здесь различия «ни для эллина, ни для иудея». Оттого и друзья, и почитатели его составляли целый «интернационал» в миниатюре.

Имя Н. В. Тимофеева-Ресовского, члена многих академий мира и лауреата международных научных премий, у нас долго замалчивалось, пока не попало в легкой руки Д. А. Гранина в фокус общественного внимания уже с первыми порывами свежего ветра перестройки. Гранинский «Зубр» стал бестселлером, а теперь, три года спустя после публикации в «Новом мире», его уже читают во многих странах за рубежом.

На гребне волны общественного внимания встал и вопрос посмертной реабилитации Н. В. Тимофеева-Ресовского. И тут-то разгорелись страсти.

В 11-м номере «Нашего современника» за прошлый год опубликована статья Д. Ильина и генерал-майора юстиции, старшего помощника главного военного прокурора заслуженного юриста РСФСР В. Провоторова «Кто Вы, доктор Тимофеев-Ресовский?». Авторы переменяют обсуждение литературного героя повести Д. А. Гранина «Зубр» и киногероя фильма Е. С. Саканья «Рядом с Зубром» с изложением своей версии результатов производства «по вновь» открывшимся обстоятельствам по уголовному делу в отношении Тимофеева-Ресовского Н. В. (НС. «Наш современник» — так здесь и далее обозначены цитаты из названной статьи Д. Ильина и В. Провоторова). Высокий официальный пост второго соавтора в Главной военной прокуратуре, возбудившей это «производство», и обильное цитирование единственного тома уголовного дела 1945—1946 годов и десяти томов дополнительного расследования 1988—1989 годов отодвигают литературный аспект на задний план и ставят в центр обсуждения авторское (Д. Ильина и В. Провоторова) отношение к реальной биографии реального лица — моего покойного учителя Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского.

Далее я намерен обосновать тезис о том, что в данном вопросе авторы неукоснительно придерживаются принципа презумпции виновности, что в концентрирован-

ном виде выражено в их утверждении, будто в письмах в Главную военную прокуратуру по поводу реабилитации Н. В. Тимофеева-Ресовского «каких-либо доказательств виновности (выделено мной. — В. И.) Н. Тимофеева-Ресовского в измене Родине не приводится». Я далека от юриспруденции, может быть, у нас и понине бремя доказательства не возложено на обвинителя?

Практически одновременно (Его Величество Случай?) с выходом в свет тиража номера журнала я получил из Главной военной прокуратуры письмо, датированное 27 октября 1989 года, в котором

вместо и военной Германии (1925 — 1945 гг.) Н. В. Тимофеев-Ресовский не только не руководил, но и вообще не работал в германском государственном научно-исследовательском учреждении, как о том пишет Н. Л. Анисимов. И опять информация об этом содержится в «общественных» обвинениях Н. В. Тимофеева-Ресовского — Д. Ильина и В. Провоторова. Эти авторы пишут, что Институт мозга в Берлин-Бухе, куда входил отдел генетики Н. В. Тимофеева-Ресовского, принадлежал Обществу содействия наукам имени кайзера Вильгельма (ныне, имени Макса

обстоятельства не может быть квалифицировано как измена Родине».

Но ведь в приговоре 1946 года «невозвращение» было главным, если не единственным, обвинением в адрес Н. В. Тимофеева-Ресовского. Правда, признавая неправоту обвинения, авторы порицают этот поступок Н. В. Тимофеева-Ресовского в моральном плане, уверяя, в частности, читателей в том, что Н. В. Тимофеев-Ресовскому не было известно о разлуке в СССР репрессий в тот период. Полноте! Просмотрите массовую зарубежную периодику тех лет, и вы легко убедитесь, что

большая безграмотность ряда со-державшихся в ней положений свидетельствует однозначно, что составители этого текста ни сами не являются специалистами в физике и биологии и не прибегали к квалифицированной экспертизе специалистов. Если же преодолеть дилетантскую бессмысленность формулировок, то окажется, что речь идет о биофизических исследованиях Н. В. Тимофеева-Ресовского и других авторов в разных странах, переночно опубликованных в открытой печати еще до второй мировой войны, о чем я писал в Главную военную прокуратуру 18 января и 23 февраля 1988 года с приложением текстов пяти публикаций Н. В. Тимофеева-Ресовского и других авторов.

К слову, ни эти, ни другие аргументы из моих писем (как и из писем других «заявителей») не приведены «добросовестными» исследователями истинны Д. Ильиным и В. Провоторовым, ложно утверждающими, что в наших обра-

рии, паразитировавшей на науке.

Претензии Д. Ильина и В. Провоторова к Н. В. Тимофееву-Ресовскому по проблеме генетики человека были бы обоснованными, если бы они доказали научную ложность его утверждений. В действительности же даже цитируемые ими положения представляют собой предвзятые, предвзятые, реальные закономерности генетики человека, лишь в послевоенные годы обоснованных прямыми наблюдениями, а не экстраполяциями из мира животных и растений. И об этом я также писал в прокуратуру.

Что же касается того, что нацистские расисты апеллировали к работам Н. В. Тимофеева-Ресовского по генетике животных и растений для «обоснования» своей бесчеловечной социальной политики, то обвинение в этом Н. В. Тимофеева-Ресовского так же несостоятельно, как было бы беспочвенным обвинение Ньютона в том, что под действием силы тяжести иногда падают самолеты.

По той же расовой проблеме Д. Ильин и В. Провоторов неуклюже пытаются защитить от меня Г. А. Середу, который писал в том же «Нашем современнике» в № 1 за 1989 г., что «... спустя полмесяца после симпозиума (Г. А. Середу имеет в виду совещание «Наука и мировоззрение», проведенное нацистами с участием Н. В. Тимофеева-Ресовского. — В. И.) ... нацисты организовали всемирный еврейский погром под названием «имперская хрустальная ночь». Это были практические выводы из расистского «симпозиума». Я располагаю письмом Б. Меллер-Хилла, на чью информацию опирался Г. А. Середу, в котором он указывает на неопределенность сведений о дате обсуждаемого совещания — октябрь 1938 или 1939 года, а также отсылкой к статье из журнала «Neues Volk» за 1939 г., в котором данное совещание описано. Если верна дата — октябрь 1939 года, то не «хрустальная ночь» последовала за этим совещанием, а Н. В. Тимофеев-Ресовский был приглашен на него след за заключением советско-германских договоров в августе и сентябре 1939 года.

Конечно, участие в совещании не делает чести Н. В. Тимофееву-Ресовскому. Наверное, как справедливо пишет тот же Б. Меллер-Хилл, живя в гитлеровском аду, Тимофееву-Ресовскому не раз приходилось делать уступки дьяволу. А многие ли из нас не согрешили словословием в адрес низвергнутых сегодня вчерашних идеологических кумиров, на поверку оказавшихся несостоятельными и даже преступными лидерами? Во всяком случае, при всей ретроспективной неблагоприятности контактов Н. В. Тимофеева-Ресовского с официальными представителями нацизма вряд ли в этом содержится достаточное основание для посмертного уголовного преследования.

И прав был Г. А. Середу, когда он утверждал, что Н. В. Тимофеев-Ресовский оказался «в ловушке». Действительно: до 21 июня 1941 года у него не было необходимости (и даже существовала несомненная опасность) в возвращении в СССР, а с 22 июня 1941 года

до конца войны он был лишен такой возможности.

Наконец, четвертая глава статьи Д. Ильина и В. Провоторова «Опыты на людях». В ней авторы пишут, что «следствие зафиксировало наличие этих экспериментов, не подвергая их экспертной оценке» (НС). И напрасно «не подвергая» — как же иначе сделать верные выводы? Несколькими ниже авторы приводят расчеты Г. А. Середы, якобы свидетельствующие о том, что в опытах по оценке скорости кровотока у человека с помощью радиоизотопных торий-Х испытуемые получали 14—20 смертельных доз. Вскоре следует и вызов к оппонентам Г. А. Середы: дескать, что же не опровергаете? А ведь в моем письме в прокуратуру еще 23 февраля 1988 г. по первоисточникам показано, что испытуемые получали индикаторные дозы: 0,03 мг-экв радия. (Неужто моего письма нет в 10 томах дополнительного расследования?) И еще, заместитель главного редактора «Нашего современника» А. И. Казинцев со дня бурной встречи с читателями Г. Обнинска (где живет и работает Г. А. Середу) имеет подробные и достоверные данные Н. Г. Шишканова о том, что те опыты сотрудников Н. В. Тимофеева-Ресовского были прообразом современной безопасной радиоизотопной диагностики заболеваний, так полезной сегодня.

Кстати, Д. Ильин и В. Провоторов называют Г. А. Середу как «...работавшего с Зубром на Урале». Ничего себе «коллегия! Один — начальник уже упомянутого «п/я», ответственный работник системы МВД, а другой — Н. В. Тимофеев-Ресовский, подчиненный ему, заключенный, специалист.

Сказанного, на мой взгляд, достаточно для признания обвинительного заключения по материалам посмертного дополнительного расследования дела Н. В. Тимофеева-Ресовского совершенно необоснованным. Оценки этого человека, его характера и духовного облика резко расходятся, он имеет немало убежденных противников. Но где же доказательства противоправных действий, а не неприемлемых для кого-то суждений и поступков?

В период гласности и демократизации хотелось надеяться на объективность расследования. Этого, увы, не произошло. Ввиду безнадёжности дальнейших обращений в ту же Главную военную прокуратуру, полностью игнорирующую информацию заявителей и не снижающую до контакта с ними, вынужден обратиться к общественному мнению. При этом считаю, что обильное цитирование материалов дела, закрытого от заявителей, в открытом литературно-художественном и общественном — политическом журнале полностью снимает с меня, как и с любого другого участника данной «дискуссии», все возможные ограничения.

В. ИВАНОВ,
член-корр. АМН СССР.

Письмо в редакцию

ОБВИНЕН ПОСМЕРТНО

Еще раз о судьбе Н. В. Тимофеева-Ресовского

Планка) — и тогда, и теперь неправительственной организации. Что же касается утверждения Д. Ильина и В. Провоторова относительно выделения отдела генетики в самостоятельное учреждение, то данные авторы в другом месте сами себе противоречат, обозначая покойного С. Р. Царепкина как сотрудника Института мозга: примерно с 1930 по 1954 год (в Берлине, а после войны на Урале; все в том же «п/я») С. Р. Царепкин был сотрудником Н. В. Тимофеева-Ресовского, и оба они до 1945 г. были сотрудниками Института мозга. К слову, небрежность Д. Ильина и В. Провоторова в обращении с материалом прокурорского расследования проявилась в упоминании Царепкина дважды с неверными инициалами.

О том, как Главная военная прокуратура выстраивала аргументы, — доказывающие участие Н. В. Тимофеева-Ресовского в совершенствовании военной мощи фашистской Германии, Н. Л. Анисимов и мне, ни кому-либо из «заявителей» не сообщили. И мне неизвестно, чтобы кого-либо из ученых вызывали для разъяснений. Поэтому приходится оперировать цитатами из томов дополнительного расследования, приведенными Д. Ильиным и В. Провоторовым.

Обсуждение германского периода биографии Н. В. Тимофеева-Ресовского авторы открывают главой «Невозвращение». И здесь нельзя не согласиться с ними в том, как они излагают правовой аспект невозвращения Н. В. Тимофеева-Ресовского: «В 1937 году Н. Тимофеев-Ресовский отказался вернуться на Родину. Дополнительное расследование, проходившее в 1988 — 1989 гг., ... восстановило правую справедливость: неумышленно Н. Тимофеева-Ресовского в тех конкретных

только от населения собственной страны сталинскому режиму удавалось скрывать масштабы и беззаконие судебных и внесудебных репрессий. Под «кажущимся» репрессии попали тогда и родные братья Н. В. Тимофеева-Ресовского, жившие в СССР.

Вторая глава статьи Д. Ильина и В. Провоторова называется «Работа на военной машине Германии в период Великой Отечественной войны». Центральное положение в ней занимает выписка из Постановления о прекращении производства по вновь открывшимся обстоятельствам.

«Из имеющихся в деле документов следует, что во военным приказом, ... поступившим из Имперского исследовательского совета, Министерством авиации и Верховного командования сухопутных сил, отделом (институтом) генетики, возглавляемым Тимофеевым-Ресовским, проводились следующие разработки:

— исследование биологического действия лучей нейтрона;

— изменение длины и силы лучей нейтрона;

— методы выработки радиоактивных элементов;

— изобретение радия искусственным лабораторным путем;

— действие рентгеновских лучей на организм человека;

— изыскание краски для освещения приборов самолета;

— использование рентгеновских лучей как средства борьбы против «неприятельских самолетов»;

— влияние космических лучей на летчиков при полетах на большой высоте;

— выработка способов предохранения работающих с радиолучами (т. 11, л. д. 151—164).

Я намеренно привел эту пространную цитату: полной

щениях в прокуратуру лишь «перечисляются заслуги ученого» (НС).

В частности, в третьей главе статьи «Расовая тема в научных исследованиях Тимофеева-Ресовского» авторы, не мудрствуя лукаво, смешивают биологию с антропологией, генетику животных и растений с расовой теорией. Так, они утверждают, что элиминация менее приспособленных особей в результате естественной селекции («сверный» перевод «Natural selection» Д. Дарвина, в России с XIX в. — «естественный отбор») была «кредо Тимофеева-Ресовского» (НС). Лестно, но несправедливо — Дарвин обосновал это на три четверти века раньше. В других случаях они путают географические расы с биологическими видами с фашистским расизмом и т. д. и т. п.

В чем авторы правы, так это в утверждении, что, опираясь на данные генетики животных и растений, Н. В. Тимофеев-Ресовский делал экскурсы в возможное значение биологических феноменов для понимания проблем наследственного здоровья человека. Пользуясь терминологией германской расовой теории, Н. В. Тимофеев-Ресовский обозначал эти проблемы (наследственное здоровье человека, сегодня мы бы назвали — медицинскую генетику) как проблемы «расовой гигиены». И тут резвые авторы причисляют его к расистам, вероятно, имея в виду нацистский антисемитизм. И сразу попадают в просак. Наверное, им неизвестно, что не дифференцированное понятие «расовая гигиена» в немецкой генетической литературе довоенных лет охватывало также разделы, как зачатки гуманистической послевоенной медицинской генетики и социогенетической расовой теор-

ет